ФОЛЬКЛОРИСТИКА

ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫЙ ФОЛЬКЛОР

УДК 801.81:398.21 + 811.511.142
DOI 10.25205/2312-6337-2023-1-39-48

Лингвосемиотические особенности знаков смерти в хантыйских народных сказках и преданиях

В. Н. Соловар

Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок, Ханты-Мансийск, Россия

Аннотация

Впервые проводится анализ знаков смерти на базе хантыйского материала, дается лингвосемиотическая классификация данных знаков, предпринимается попытка охарактеризовать смыслы и значения знака смерти в повествовательном фольклоре. Исследование знаков смерти позволяет охарактеризовать древнейшие фундаментальные представления ханты о мироустройстве, выявить источники представлений о смерти, закрепленные в хантыйской языковой картине мира, и проанализировать отношение к смерти как к одному из основных феноменов бытия. Результаты исследования могут быть полезны при дальнейшем изучении феномена смерти в лингвистике, лингвокультурологии, лингвосемиотике (или изучении жизни как тесно связанного со смертью феномена).

Ключевые слова

хантыйский фольклор, лингвосемиотика, знак, смешанные знаки, языковая картина мира, ключевое слово, феномен смерти

Для цитирования

Соловар В. Н. Лингвосемиотические особенности знаков смерти в хантыйских народных сказках и преданиях // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2023. № 1 (вып. 45). С. 39–48.
DOI 10.25205/2312-6337-2023-1-39-48

Linguosemiotic features of death signs in Khanty folk tales and legends

V. N. Solovar

Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development,
Khanty-Mansiysk, Russian Federation

Abstract

The paper analyzes the phenomenon of death through Khanty folk tales, legends, and bailichkas. The necessity of characterizing the death phenomenon – the structure of death signs, their sources, their occurrence in texts – is substantiated, and a brief analysis of the scholarly literature on the subject in question is provided. Death is commonly addressed in folklore, except in children's fairy tales, where death is portrayed more discreetly. The death signs are

© В. Н. Соловар, 2023

described within the classification of the American specialist in semiotics, C. S. Pierce, also considering the experience of D. A. Pisarenko, who systematized the death signs in the Russian folk tales. Folklore texts feature the death theme when the protagonist encounters hostile spirits, fights enemies, or meets dead people. This theme has its specific place in various folklore genres, with its signs classified by certain plot types. Found in the texts are indirect signs of death not referring directly to death, but only hinting at it. The analysis of four bailichkas reveals the deeds of aggressive deceased persons representing the death signs together with the coffin, bones, a deserted camp, and cut hair. Four types of mixed death signs have been found: (1) “index + icon” signs associated with personal knowledge about biological death and reflecting the external death signs; (2) “index + symbol” signs associated with death through funeral rites; (3) “symbol + index” signs represented by one sign – “lower world” – reflecting the religious views of a person, (4) “symbol + index + icon” signs, most ancient and semantically ambiguous signs.

Keywords

Khanty folklore, linguosemiotics, sign, mixed signs, linguistic picture of the world, keyword, phenomenon of death

For citation

Solovar V. N. Lingvosemioticheskie osobennosti znakov smerti v hantyjskih narodnyh skazkah i predanijah [Linguosemiotic features of death signs in Khanty folk tales and legends] *Yazyki i fol’klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2023, no. 1 (iss. 45), pp. 39–48. (In Russ.).
DOI 10.25205/2312-6337-2023-1-39-48

Введение

Интерес современной лингвокультурологии вызывает разноаспектное исследование языковой картины мира разных этносов – мироустройства, мировосприятия, отражаемого в языке. Познание языковой картины мира проводится путем метаязыковой рефлексии с помощью анализа так называемых ключевых слов, или ключевых идей, – «культурно значимых слов-концептов» [Зализняк, Левонтина, Шмелев, 2012].

Феномен смерти определяет развитие духовно-нравственной культуры народа, поэтому он вызывает неизменный интерес, этим обосновывается актуальность настоящего исследования.

Применяемый в исследовании лингвосемиотический подход дает возможность изучить структуру знаков смерти, их источники (мифологические, научные, религиозные, бытовые), частотность обращения к тому или иному знаку в тексте сказок.

Смерть относится к числу базовых, инвариантных для многих языковых культур бытийных феноменов; изучение феномена смерти в хантыйском языке позволяет охарактеризовать основы духовно-нравственной культуры хантыйского народа, ценностные ориентиры фольклорной картины мира. Персонажи загробного мира на северно-русском материале рассмотрены в монографии И. А. Разумовой [1993]. На материале хантыйского языка концептосфера *ЖИЗНЬ* и *СМЕРТЬ* описана Н. Б. Кошкаревой в коллективной монографии [Жизненное пространство…, 2021, с. 197–207]. Образы мифологических персонажей *Торума* и жителя подземного мира *Хинь ики*, образ лесного злого духа *Кирп нюлуп ими*, образ культурного героя *Ими хилы* в хантыйских народных сказках и мифах, образы лесных духов *Пун вєрты ими* ‘Женщина, делающая жилы’, *Мэнков* и других рассматривала С. Д. Дядюн [2015, 2021а, 2021б, 2022]. Особенности мировосприятия хантыйского народа, представления о ключевых для хантыйской языковой картины мира идеях в полном объеме можно изучить на фольклорном материале, а именно на основе текстов народных сказок, преданий, быличек.

Тема смерти в хантыйском фольклоре представлена достаточно широко. Она отсутствует в сказках, предназначенных для маленьких детей, или появляется там вскользь, завуалированно, так, чтобы не травмировать детей. Это объясняется, на наш взгляд, традиционными языческими представлениями о многобожии, наличии большого количества враждебных человеку духов, которые могут нанести человеку вред. Поэтому в традиционном обществе существовала система запретов. Знакомство с запретами происходило и через устное народное творчество, которое легко усваивалось и позволяло человеку традиционного общества быть осторожным в быту, уважительно относиться к духам, стараться удерживать психологическое равновесие. От осторожного поведения человека зависела его жизнь.

Результаты и обсуждение

Лингвосемиотический анализ хантыйских народных сказок выполнен на основе классификации знаков американского ученого-семиотика Ч. С. Пирса [2009]. Он выделил три основных вида знаков: «Во-первых, подобия (likenesses), или иконы (icons), которые выполняют функцию передачи идей и

репрезентируют вещи, просто имитируя их. Во-вторых, существуют указатели (indications), или индексы (indices), которые что-то говорят о вещах, потому что физически связаны с ними… В-третьих, существуют символы, или общие знаки, которые ассоциируются с их значениями (meanings) благодаря привычке» [Пирс, 2009, с. 89]. К наиболее совершенным Ч. С. Пирс относил смешанные знаки, которые включают два или три вида знаков; именно знаки смешанной природы репрезентируют языковую картину мира человека: «Во всех рассуждениях мы употребляем смесь подобий, индексов и символов. Мы не можем обойтись без каждого из этих видов. Весь комплекс целиком может быть также назван символом, поскольку в рассуждении превалирует символический, живой характер» [Там же, с. 94]. В данном исследовании учтен опыт Д. А. Писаренко, которая выявила и систематизировала знаки смерти на материале русских народных сказок [2019, с. 247–253].

Материалом исследования послужили сборники сказок, преданий, бытовых рассказов, в которых встречаются символы смерти или сюжеты о поведении мертвецов и покойников. Для выявления знаков смерти использовано несколько источников: сказки «Сорӈи ӆов» = «Золотой конь» [Сказки народа ханты, 1995, с. 21–25], «Хӑнты моӈщ» = «Хантыйская сказка» [Там же, с. 111–125], «Вөнт утәт оӆәӈән» = «О лесных существах» [Вагатова, 1996, с. 4–5]; «Ими шанш ух пӑты эвәӆт вөӆты Мощ хө» = «*Мощхо* из колена женщины», «Ай Нерум хо» = «Молодой мужчина из тундры» [Там же, с. 73–88]; «Ай мощ хө» = «Молодой мужчина *мощ*» [Steinitz, 1989], «Хутым йивпох» = «Три брата» [Ленин пант хуват, 1958, № 75], «Холум ворт» = «Три богатыря» [Ленин пант хуват, 1984, № 37], «Тон-тон имєӈән-икєӈән» = «Жена и муж Тон-тон» [Земля Кошачьего Локотка, 2001, 133–136], «Ялань» = «Ялань» [Там же, 159–163], «Ими хиӆы па мєӈк» = «Внук женщины и *мэнк*» [Там же, с. 153–158], «Ратпар хө, хишпар хө» = «Мужчина *ратпар-хишпар*» [Там же, с. 150–153], «Ими хиӆы» = «Внук женщины» [Там же, с. 140–144], «Хинь ики» = «Мужчина *Хинь*» [Сенгепов, 1994, с. 38–42], «Лөмәщ» = «Ломащ» [Там же, с. 57–94].

Тема смерти и осторожного поведения регулярно появляется в начале многих фольклорных произведений, в которых действующему лицу дается наказ, чего делать нельзя; однако наказ нарушается, за этим следует наказание – смерть (или угроза смерти, которой герой может чудом избежать). Тема смерти сопровождает героя при встрече с враждебными духами, в сюжетах о борьбе с завоевателями, недругами или в сюжетах о встрече с мертвецами и покойниками. Если, например, речь идет о культурном герое *Ими хилы*, то в самом начале сказки тетя сообщает ему, куда нельзя ходить, но культурный герой всегда нарушает предписания и делает все по-своему, балансируя между жизнью и смертью; подробно его похождения рассматривает С. Д. Дядюн [2021а].

Однако только в быличках о мертвецах и покойниках смерть становится центральным сюжетом: такие фольклорные произведения учат жить по обычаям предков, чтобы предостеречь молодое поколение от непредвиденных обстоятельств, которые могут привести к беде и смерти.

В быличках и преданиях речь о покойнике или мертвеце может начинаться с зачина и завершаться в концовке [Ленин пант хуват, 1958, 1984; Щащем моньщәт, 2011; Pápay, 1992]. В преданиях о враждебных духах герою намекают об опасности в зачине или в завязке текста. В сказках о богатырях тема смерти появляется в завязке или кульминации, так как богатырь сначала проходит испытания, борется с врагами и только ближе к развязке он или погибает, или его оживляют.

Описание смерти зависит от типа сюжета. Так, в богатырских сказках имеются знаки смерти: стрела, кровь, череп на вершине лиственницы – священного дерева; упоминается о том, что богатырь упал (т. е. был убит), или семеро проломили кольчугу героя, или он вскрикнул один лишь раз страшным голосом, или тело его, как кровавый сверток тундрового во́рона, прострелено (в этом случае используется эвфемизм). Прямого указания на смерть в текстах обычно не встречается. В сказках о богатырях нет действующих лиц – покойников или мертвецов. Если богатырь умирает, то его могут оживить помощники (родственники) или другие богатыри (братья). В отличие от быличек, где говорится о том, что кости героя валяются где-либо как попало, в сказках о богатырях даже враги не позволяют себе отрицательно комментировать смерть своих врагов. Во всех текстах смерть героев не является естественной, в сказках богатыри погибают в бою; в быличках смерть наступает в результате неосторожности или, чаще, как воздаяние за нарушение запрета.

В фольклорных текстах на хантыйском языке часто встречаются косвенные знаки смерти, которые не указывают на смерть прямо, но являются как бы ее предвестниками или косвенными признаками наступившей смерти. В сказках они могут обозначать угрожающие намерения каких-либо действую-

щих лиц, например: *Мӑнєм ӑн мосты хуйат ки, сэй тӑхтаӈ хӑрәӆа мӑншаӆән, хиш тӑхтаӈ хӑрәӆа мӑншаӆән!* ‘Если ненужный мне человек, разорвите его на мелкие кусочки (букв.: как песчинки песка)’[1]; *Нє сапәӆ сэвәрты хӑрыйа, хө сапәӆ сэвәрты хӑрыйа тӯваӆән* ‘Уведите его на поляну, где отрубают головы (букв.: шею) женщин, где отрубают головы (букв.: шею) мужчин’; *Сӑмәӆ-мухӆәӆ тыв тӯваӆән* ‘Сердце-печень его сюда принесите’; *Вуйәмтты эвәӆт аӆты кэшийән шөпи сэвәрмэ* ‘Когда он уснет, разруби его пополам’; *Ух путалэӆ щӑха акарән-ворәшән ат аӆтыйәӆӆа, пурман-йунтман ат төтӆәӆы* ‘Голову его потом пусть собаки-коршуны носят, грызя-играя, пусть таскают’ [Steinitz, 1989, с. 389-407].

О смерти героев в сказках прямо не сообщается, но указывается способ потери жизни: *Тєӆаӈ сува, ӈәӆәӈ сува пӑтәӆа мурта мирыйэ павтыӆәс* ‘На дно полного желудка=его, прожорливого желудка=его довольно много людей отправлял (букв.: ронял)’; *Тӑм йӑӈхмєм, хөӆмит сот – ӈивәӆ сот хӑннєхө йухи ӆєсәм* ‘Когда ходил сейчас, триста-восемьсот человек я съел’; *Нӑӈ йӯвтәм картаӈ ӈоӆ иӆпэна, тухӆәӈ ӈоӆ иӆпэна павәтмэнән, щирән хуты йөр вөсән* ‘Ты ведь был сильным, когда уронил меня под пущенную тобой железную стрелу, крылатую стрелу’; *Хөӆәм хө и ӈоӆ вэйән щӑта щи хӑщсәт* ‘Три человека на одном древке стрелы там и остались’; *Вошәӈ тєӆ ар мирәӆ, көртәӈ тєӆ ар йохәӆ сэй тӑхтаӈ, хиш тӑхтаӈ хӑрэӆа вєрмаӆ* ‘Всех людей города, всех людей поселка разметал, как песчинки песка (букв.: сделал песчинками песка)’; *Щи хөлән сусәл вэйәп, йөр вэйәп и ӈоӆ йӯвәтәӆ, йаӈ хө, хөс хө и ӈоӆ вэйа кӑрәтәӆ, хөс хо и ӈоӆ вэйа нөрәтәӆ* ‘В этот момент он выпустил стрелу с крепким древком, десять мужчин, двадцать мужчин на одно древко насадил, двадцать мужчин на одно древко нанизал’ [Ленин пант хуват, 1984, № 37].

Для хантыйского фольклора типично повествование о покойниках, их делах и поведении, что рассмотрено на материале четырех текстов: «Кӑт хө вәӆпәсӆәты мӑнӆәӈән» = «Двое мужчин пошли на охоту» [Pápay, 1992], «Покинутые юрты», «Кладбище и амбар» [Лукина, с. 185–186], «Шопам па ики» = «Гроб и мужчина» [Щащем моньщәт, 2011, с. 100–103].

В быличке «Покинутые юрты» рассказывается о том, как мужчина вернулся с охоты и нашел оставленное стойбище, что символизирует смерть. В доме его встретила умершая жена, но предупредила, что он должен быть с ней до рассвета. Она вымыла ему голову и завязала его волосы в узел, что является знаком потустороннего мира [Лукина, 1990, с. 524]. Один узел был символом удачи на охоте, второй обозначал долголетие. Но муж нарушил запрет и ушел. Жена-покойница догнала его и отрезала ему волосы с узлами (знак лишения его души). В наказание он прожил всего несколько дней и умер.

В быличке «Кладбище и амбар» [Там же, с. 185] два товарища едут мимо кладбища, один ночует на кладбище, а второй рядом – в амбаре. От ночевавшего в амбаре остались только кости. Он нарушил запрет: нельзя ночевать в оставленных избах и амбарах.

В быличке «Шопам па ики» = «Гроб и мужчина» мужчина отправляется на охоту, вечером возвращается в свою лесную избушку, а там стоит гроб. По ночам из гроба встает покойник, ведет себя как человек; они идут с мужиком в гости к соседям. Там покойник втыкает гвоздь в горло одного мужчины и пьет кровь. После этого сосед заболел, однако его спасает мужик, вытаскивает из него гвоздь днем, пока покойник спит в гробу. Они вместе сжигают дом, где стоит гроб с покойником. Но покойник проклинает мужика за содеянное, и летом этот мужик утонул в реке [Щащем моньщәт, 2011, с. 100–103].

В быличке «Кӑт хө вәӆпәсӆәты мӑнӆәӈән» = «Двое мужчин пошли на охоту» повествуется о том, как во время охоты один из мужчин заболел и скоропостижно умер. Перед смертью он просил товарища уйти домой, но тот не ушел. Ночью покойник встает и намеревается его убить, но мужчина убегает в оставленное стойбище, которое находится поблизости. Там он наткнулся на другого мертвеца, испугался, что они вдвоем сожрут его, но второй мертвец решил ему помочь, он выходит из помещения, борется с пришедшим мертвецом, зовет на помощь мужика, вместе они справились с покойником-товарищем. Затем мертвец сообщает, что хочет есть, что снова приводит мужика в состояние страха. Но мертвец его не трогает, а сажает мужика на спину и летит с ним по воздуху до следующего стойбища. Они попадают в жилище, но окружающие люди их не видят. В доме мертвец втыкает острый предмет в шею больного человека, кровь льется в сосуд, он ее пьет. Мертвец предлагает му-

[1] Здесь и далее перевод с хантыйского языка (в том числе в транскрибции [Steinitz, 1989; Pápay, 1992]) фрагментов фольклорных текстов, взятых из разных источников, осуществлен автором статьи.

жику выпить крови, однако тот отказывается. В это время наступает рассвет, и мертвец исчезает, а мужчина спасает больного. В этой быличке мы наблюдаем противоборство двух мертвецов. Второй мертвец выполняет функцию помощника, и лишь благодаря ему мужчина остался жив.

Во всех четырех текстах мертвецы ведут себя агрессивно по отношению к людям и наносят им вред. Человек же испытывает страх перед ними, как перед представителями иного мира. Знаками смерти в быличках являются сами мертвецы, гроб, кости, оставленное стойбище, обрезанные волосы.

В изучаемых нами текстах сказок и преданий представлены смешанные знаки, совмещающие два или более типов (знак, находящийся на первом месте, преобладает): индекс + икона; индекс + символ; символ + индекс; символ + индекс + икона.

К смешанному знаку **«индекс + икона»** относятся такие знаки, которые совмещают прямое указание на смерть и изображение смерти или ее признаков.

К одному из самых распространенных знаков типа «индекс + икона» относятся *кости*. В хантыйской языковой картине мира кости символизируют основу человеческого тела, его материального состава. Кости связаны со смертью причинно-следственными отношениями, то есть по смежности, индексально (скелет – то, что остается от человека после его кончины); также кости являются прямым изображением смерти персонажа, то есть соединяются с ней иконически. От умерших сказочных героев обычно остаются только косточки, скелет: *Сєсэн нух вортсəŋəн па ин ай икилəŋкəԇ вантыйəԇ – хăнты ԇўв щўкəн сєсəԇ тэкəнмаԇ* ‘Они поставили слопец[2], и мальчик видит: слопец наполнился, оказывается, человеческим костями’ [Сказки народа ханты, 1995, с. 118]; *Щи эвəԇт, щăта хăннєхө ԇўвəт уԇԇəт* ‘Оказывается, там кости человека лежат’; *Упєŋəԇам щирəн щи мăсԇəн, хот ԇаŋəԇəн ԇўв кăрԇəн төп уԇԇəт, ԇыйман па хуԇаман* ‘Тогда вы сестер моих отдали, на крыше только их кости лежат, сгнили и умерли они’ [Земля Кошачьего Локотка, 2001, с. 135, 136].

Человеческие кости и черепа в сказке могут предостерегать героев от опасности или смерти, но каждый герой сам решает, как ему быть. Так, в сказке «Тон-тон имєŋəн-икєŋəн» = «Жена и муж Тон-тон» две сестры не слушают предупреждающего крика птицы: *Кăт кўт щэв-щэв! Йəԇԇы мăнты йөшэн – нуви, йухи мăнты йөшэн – пăтлам* ‘Между двумя промежутками (пути) *щэв-щэв*! Твой путь следования вперед – светлый, путь возвращения – темный’. Они идут в гости, не обращая внимания на то, что на крыше дома лежат кости: *Щăԇта ԇўви кăрԇаԇ хот ԇаŋəԇа вущкəԇыйəт* ‘Затем скелеты на крышу бросают’. Поэтому две сестры погибли, а третья обратила внимание на эти знаки, вернулась обратно домой и осталась жива [Земля Кошачьего Локотка, 2001, с. 133–136].

В сказке о лесных духах женщина нарушает запрет, поэтому приходит дух леса и наказывает ее: *Тум имəԇ ньаврємŋəԇ пиԇа иса шăпийəмəт. Аŋкəԇ шиŋəш аŋкəԇа ух пөшхəԇ щив омсəԇтəм* ‘Ту женщину с детьми обглодали (лесные духи). Голову матери на столбик нар поставили’ [Моньщэт па путрэт, 1996, с. 5]. Этот знак является предупреждением для тех, кто нарушает запреты.

Лесной дух *Мэнк* предлагает молодому человеку зайти в охотничью ловушку: *Йа, хиԇыйэ, тăм сєсєма ԇуŋэтԇəԇəн ки, тум хăнты ԇўв щўкэт йира вўԇəн ки* ‘Ну, внучек, вошел бы ты в этот мой слопец, те человечьи кости убрал бы’; но герой понимает уловку опасного лесного духа, не поддается на его коварный замысел и поэтому побеждает его [Земля Кошачьего Локотка, 2001, с. 209].

В сказках о богатырях мальчика предупреждают об опасности увиденные им на вершине трех лиственниц три черепа: *Мăттырəн, хөԇəм ух пөшəх нух – наŋк тыйəта йөщтəмəт* ‘Оказывается, три черепа наверх, на вершины лиственниц повешены’ [Сенгепов, 1994, с. 70]. Но будущего воина это не пугает, он растет, набирается опыта и вскоре отправляется в путь, чтобы отомстить врагам.

В быличках распространенными являются знаки *хăԇа* ‘мертвец’ и *мертвое тело*, которое прямо не называют, вместо этого используют слово *ут* ‘предмет’, о смерти могут сказать «вытянулся», имея в виду положение тела после смерти. Два этих знака, отнесенных нами к одной группе, по своей семантике различаются. Мертвое тело – видимый, эмпирически познаваемый знак смерти, связанный с ней по смежности и прямо изображающий ее. Мертвое тело свидетельствует об окончательной кончине человека. Окостеневший покойник в тексте былички сравнивается с неподвижным твердым предметом: *Хăнты хөйəԇ хăԇайəԇ пєԇа ăŋкəрмəс: вуԇԇы вөнт йўха, вўр йўха потəм* ‘Мужчина ханты взглянул на мертвеца: тело замерзшее, как лесное дерево’ [Pápay, 1992, с. 144].

[2] Слопец – ловушка из брёвен, которую ханты используют для ловли боровых птиц, лис, песцов.

В сказках о богатырях упоминаний о покойниках или о мертвом теле нет, лишь завуалированно говорится, что он упал (*рӑкнəс*), упал без сознания или уронил на лед врагов: *Имултыйəн ӑн пӑкəс, па ӆаӆ йəщалт шөшəм щирəлəн, сащӆы щив рӑкнəс* ‘Наконец он не выдержал, как шел навстречу войску, упал без чувств’; *Ас хур ӆай кӑӆы, вӳр кӑӆы увӆатəм артəн, ин вөн йай ики төтӆəм сот хөйəӆ ас йєнк өхтыйа щи павəтсəӆэ* ‘Когда по руслу большой реки потекла темная кровь, красная кровь, он повалил на лед большой реки сто мужчин, приведенных старшим братом’ [Ленин пант хуват, 1984, № 37].

К внешним – видимым, ощущаемым, осязаемым – признакам кончины относятся *неподвижность*, в том числе в сочетании с другими телесными проявлениями смерти (окостенение, холодное тело, молчание), например:

– отсутствие движения: *Щив рӑкнəм тӑхəӆəн ӑн па ӈухӆыйəс* ‘Там, где он упал, он больше не шевелился’ [Steinitz, 1989, с. 417];

– поза, специфическая для мертвеца: *Ин утəӆ тӳӈа питəмəн, ин ампи өхəӆ кирəс* ‘Когда тот упал, вытянувшись, он запряг собачью упряжку’ [Моӈщэт па путрэт, 1996, с. 5];

– холодное тело: *Ӆөма кӳш ӆуӈємəӆ, (ин хөйəӆ) потəм. Маӆысыйəӆӆəӆэ*: *ищи хӑӆа* ‘Влез он в яму для хранения продуктов, (этот мужчина) холодный. Ощупал он его: тоже мертвец’; *Ат потəм йєӈки хӑӆа хуща вӳратмєм, ат потəм ӆоӈщи хӑӆа хуща вӳратмєм* ‘Я залез к ледяному мертвецу, замерзшему за ночь, залез я к снежному мертвецу, замерзшему за ночь’ [Pápay, 1992, с. 142].

Покойники или мертвецы, появляющиеся в сказке, ночью начинают вести себя как живые: двигаются, разговаривают. Так, в сказке «Шопам па ики» = «Гроб и мужчина» рассказывается о том, как мужчина пошел на охоту и решил заночевать в своей лесной избушке. На полу оказался гроб. Ночью мертвец садится в гробу, потом они вместе едят. Когда начинает светать, мертвец падает в гроб: *Ин хуйəӆ, нӧвия йиты питəӆ, па щи шопама рӑкəнəӆ* ‘Этот мужчина, как только начинает светать, опять в гроб падает’; глагол *рӑкəнты* ‘упасть’ также иносказательно указывает на смерть мертвеца [Щащем моньщэт, 2011, с. 100–103].

В другом тексте встречается фрагмент, который явно заимствован из русских сказок и связан с христианским представлениями о смерти: на рассвете, с пением петухов мертвец исчезает: *И мулт ишəн щищкӳрэк щи ӳвəӆ, ин хӑӆайəӆ, төп ов щӑры ӈӑтатыйəс, ин па хулна мӑнəӆ* ‘В какой-то момент петух закричал, мертвец, только петли двери щелкнули, и сейчас уходит’ [Pápay, 1992, с. 146].

Мотив нарушения целостности мертвого тела богатыря в хантыйских народных сказках обозначает невозможность возвращения к жизни, поэтому в тексте может появиться заклинание врага, а также действия, способствующие этому, или, наоборот, действия помощника-спасителя: *Тӑм питəм лотэнəн ӆӳвӆан-ӈухиӆан хөлəхəн-войəн ара ат аӆӆайəт* ‘В этом месте, куда ты упал, кости-мясо твое во́роны-звери пусть растащат’ [Вагатова, 1996, с. 50]; *Ай щӳка сэвəрса, ӈухи щӳкӆаӆ мӑӆəӈа шошəмсайəт* ‘Разрубили его на мелкие куски, куски мяса вывалили в озеро’ [Steinitz, 1989, с. 401]; *Ай пуӆəха сэврəм ӈухи щӳкӆаӆ* ‘Кусочки мяса, разрубленные на крошки’; *Ӈухи пӳӆӆаӆ йӑха рӑхəӆӆəӆам* ‘Кусочки мяса=его соединю (т. е. спасу его)’ [Там же, с. 403].

Знаком смерти является также гроб или смертный одр: *Вунт хотəӆəн хот хӑрəн шопам омəсəӆ* ‘В лесном доме на полу стоит гроб’ [Щащем моньщэт, 2011, с. 100]; *Йӳха вєрсэӆ, вөнта төсэӆ, щи хӑйсэӆ* ‘Они положили его в гроб (букв.: в дерево сделали), унесли в лес, оставили’; однако при описании богатыря его смертный одр сравнивается с колыбелью, в которой он лежал в мягкой древесной трухе: *И сєм төй и сєм кӳӆ вөӆтыйӆəм ӆєпəт поӆтəп поӆтəӈ онтəп эвəӆт хуйəн сэӈкəтсайəм?* ‘Из колыбели с мягкой древесной трухой, в которую меня уложил одноглазый, с ячменем на глазу бог смерти, кто меня разбудил?’ [Steinitz, 1989, с. 404].

Сонный человек уподобляется мертвому. Знак связан со смертью по смежности (сон – переходное состояние, близкое к смерти; спящий человек находится на границе двух миров) и иконически (спящий или сонный внешне подобен мертвому): *Йӳха вєрсэӆ, вөнта төсэӆ, щи хӑйсэӆ. Щиты уӆтаӆ каша, нух щи вєрӆəс* ‘Положили его в гроб, унесли в лес, оставили. Так лежал он и проснулся’ [Сказки народа ханты, 1995, с. 120].

Знаки *сорока* и *во́рон* являются парными, они являются символами смерти героя на поле битвы: *Ӆыӆєм ки ӑнт єтəӆ, тӑм ким єтты тӑхємəн, сав ӆєты, хөлəх ӆєты хӑрєӈ көрт хӑрєма щи питӆəм* ‘Если не выживу (букв.: если дыхание не выйдет), когда выйду на улицу, упаду во дворе на съедение сорокам и во́ронам’ [Вагатова, 1996, с. 86].

Знак *кровь* в хантыйской картине мира символизирует жизнь и здоровье человека, однако в фольклорных текстах кровь может иметь и противоположный смысл – стать символом смерти и болезни. Так, В. Я. Пропп отмечает, что в предметах заключена часть души персонажа [2000, с. 166]; именно поэтому их должны охранять кровные родственники (обычно братья). В хантыйских сказках кровь льется из стрелы, принадлежащей герою, это указывает на уже свершившуюся или подстерегающую персонажа смерть: *Нынан ньоӆэн хӑйӆэӆам, вантыӆаӆэн, кӑӆы сємэн єтты ки питэӆ, щирэн мӑнэт кӑншаӆэн, щирэн, аӆпа, хутащ йиӆэм* ‘Я оставлю вам стрелу, посматривайте, если будет капать кровь, тогда ищите меня, тогда, наверное, что-то случится со мной’ (герой еще жив, но уже находится при смерти); *Имэӆтыйэн йайэн ньоӆ шиваӆэсӆэн, хөнтты щӑӆта кӑӆы посымаӆ па хӯвэн нух сормаӆ* ‘Однажды они увидели стрелу брата, когда-то оттуда капала кровь и давно высохла’ [Ленин пант хуват, 1958, № 75]; *Хөйэт ӆоӆщи лотэта ӆай кӑӆы, вӯр кӑӆы увӆатсэт* ‘Там, где стояли мужчины, свежая кровь, алая кровь потекла’ [Вагатова, 1996, с. 86]; *Мӑттырэн, ин сот хө йӯвэтьэм картаӈ ньоӆ, вэйаӈ ньоӆ ньуӆмэтэн икэӆ вантӆы хур, вөӆы хур павтэм*; *ӆуватталэн ӆай вӯра, пит вӯра павтэм* ‘Оказывается, железные стрелы, выпущенные сотней мужчин, наконечники стрел с древками сделали лицо ее мужа таким, что на него нельзя было смотреть, оно стало неузнаваемым; весь он был в свежей крови, темной крови’; *Хӑннєхө эвэӆт кӑӆы сєм, пошэх сєм ӑнт павтыйэӆсэмэн* ‘Не трогали мы человека’ (букв.: от человека каплю крови, кровинку не роняли) [Там же, с. 86].

Знаком беды или смерти может быть не только стрела с кровью, но и сломавшаяся стрела: *Мӑна, муй па щит ньоӆ вэйєм шөпа хӑщ щи питэӆ* ‘Надо же, неужели древко стрелы чуть не распадается пополам’; *Йа, сорньєӈ вэйэп вунтаӈ ньоӆєм вөсэн, ай апэӆєм хуӆна ӆыӆэӈ ки – кӑӆыйа кавэрма, ай апэӆєм ӆыӆэӈ ки ӑнтөм – кӑт шөпа рӑкна* ‘Ну, моя с золотым древком граненая стрела, если мой младший брат еще жив, покройся обильно кровью, если мой младший брат не жив, распадись на две части’ [Ленин пант хуват, 1984, № 37]. Знаком надвигающейся опасности или смерти является пульсирование в левой стороне головы у помощников богатыря: *Ай ӯпэм пєӆа нөмэсты питӆэм, атэм ух пєлкєм щи кєм хӑпщэӆ* ‘Стану думать о младшем девере, бьет в висок с левой стороны (букв.: плохая сторона головы так ударяет)’; *Ма ищиты. Щивэӆ нөмэсты питӆэм, атэм ух пєлкєм щи мурт сєӈкэӆ* ‘У меня так же. Начинаю об этом думать, в левую сторону головы так бьет’ [Steinitz, 1989, с. 402]; *Ӆӯв муӆты вєрэӆ, и ӆампи, йуврайа мӑнэс* ‘Какое-то дело у него неправильно пошло’ [Там же, с. 403]. Однако если в опасной ситуации пульсировало в левой стороне головы, то при намечающемся положительном исходе дела пульсация происходит в правой стороне головы: *Ма тӑта омэстєм кӯтэн, тӑм мӑӆэӈ пєӆа нөмэсты питӆэм, йӑм ух пєлкєм щи кєм хӑпщэӆ* ‘Когда я тут сижу, начинаю думать об этом озере, в правой стороне головы пульсирует (букв.: бьет)’ [Там же].

Дуализм, двойственная семантика некоторых знаков, символизирующих одновременно жизнь и смерть, здоровье и болезнь, является отражением аксиологической поляризации, характерной и для хантыйского языка, и хантыйской картины мира вообще.

Также можно выделить тип знака, совмещающий прямое указание на денотат и условную связь с ним, но в другом соотношении – **символ + индекс**. Символ здесь превалирует над индексом, является доминирующим, главенствующим.

Внешний облик большинства хантыйских сказочных героев в текстах не описывается. Так, встречается, например, лишь общее описание *Ялань* – мужского демона, который появляется на земле, но обитает под землей: *Щӑӆта са карты милэп, карты хунэп Ялаӈ нух єтэс* ‘Оттуда появился Ялань в железной шапке с железным животом’ [Земля Кошачьего Локотка, 2001, с. 160]; указывается его рост: *Ӆуваттаӆ-кӑрщаттаӆ сот оӆ єнмэм нохэр йӯх ӆуват* ‘Он размером-высотой как столетний кедр’ [Вагатова, 1996, с. 50].

Кирэп ньуӆэп ими ‘Женщина с плоским утиным носом’, она же *Хинтэӈ ими* ‘Женщина с кузовом’, обычно пытается извести мальчика – *Ими хиӆы* ‘Внука женщины’, но он всегда в этом поединке побеждает.

Мэнки в сказках предстают слепыми-глухими мужем и женой, указывается лишь, что мужчина *Мэнк* когда-то погубил много людей, в том числе отца и дядюшек *Ими хилы*. *Кирэп ньуӆэп ими* связана со смертью прежде всего через обряд инициации; она охраняет *Иӆ төрэм* ‘Нижний мир’ от Среднего мира (мира человека и животных), более подробно ее образ описан С. Д. Дядюн [2022, с. 150–155]. Все лесные духи вступают в единоборство с культурным героем, однако он всегда побеждает. Бог смерти *Хинь* упоминается только при встрече с богом *Торумом*.

Выводы

Итак, мы выделяем три типа знаков смерти в хантыйском фольклоре:

1) знак «индекс + икона»: кости (или другие части тела мертвого человека – головы, черепа, скелета); покойник, мертвое тело; неподвижность (часто сочетается с другими видимыми и воспринимаемыми органами чувств признаками смерти – окостенение тела, молчание); спящий человек; сорока, ворон; гроб; оставленное стойбище; обрезанные волосы;

2) знак «индекс + символ»: кровь, пульсирование в левой стороне головы;

3) знак «символ + индекс»: *Иӆ төрәм*, *Мӯв иӆпи* ‘Нижний мир’;

4) знак «символ + индекс + икона». Все три типа знака – *символ*, *индекс* и *икону* – совмещают герои – персонификации смерти: *Хиӈ* ‘Хинь’, или *Кӯӆ* ‘Куль’ (бог смерти), *Кирәп ӈуӆәп ими* ‘Женщина с плоским утиным носом’, или *Хинтәӈ ими* ‘Женщина с кузовом’, *Йӑлаӈ* (*ики*) ‘Ялань (мужчина)’, *Мєӈк* ‘Мэнк’ (лесное существо большого размера, покрытое шерстью), *И сөрт пӑӆат хула-малы* ‘Хула-малы ростом с одну пядь’ и др.

Таким образом, в сказках представлено четыре типа смешанных знаков смерти. Знаки, относящиеся к группе «индекс + икона», связаны со знаниями человека о биологической кончине, отражают внешние признаки смерти. Знаки типа «индекс + символ» сопряжены со смертью через похоронную и погребальную обрядность. Группа «символ + индекс» представлена одним знаком – «Нижний мир», отражающим религиозные воззрения человека. Самые древние и неоднозначные в семантическом отношении знаки входят в группу «символ + индекс + икона».

Список литературы

Дядюн С. Д. Образы духов в хантыйских быличках (на материале казымского диалекта) // Проблемы и перспективы социально-экономического и этнокультурного развития коренных малочисленных народов Севера: Материалы Всерос. науч.-практ. конф.: Филологические исследования. Воронеж: Макс-Принт, 2015. Ч. 2. С. 182–190.

Дядюн С. Д. Образ хантыйского героя Ими хилы (на материале традиционных формул в народных сказках) // Филологический аспект. 2021а. № 9 (77). С. 6–12. URL: https://scipress.ru/philology/articles/obraz-khantyjskogo-geroya-imi-khily-na-materiale-traditsionnykh-formul-v-narodnykh-skazkakh.html (дата обращения: 9.03.2023).

Дядюн С. Д. Образы мифологических персонажей небесного бога и жителя подземного мира в хантыйских народных сказках // Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока: традиции и инновации: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. XIX Югорские чтения (1 декабря 2020 г.). Ханты-Мансийск: Печатный мир г. Ханты-Мансийск, 2021б. С. 78–84.

Дядюн С. Д. Сказочный персонаж Кирп нюлуп ими в хантыйском фольклоре // Филологический аспект. 2022. № 3 (83). С. 150–155. URL: https://scipress.ru/philology/articles/skazochnyj-personazh-kirp-nyulup-imi-v-khantyjskom-folklore.html (дата обращения: 3.03.2023).

Жизненное пространство и духовный мир человека через призму языков Сибири. Новосибирск: Академиздат, 2021. 300 с.

Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Константы и переменные русской языковой картины мира. М.: Языки славянских культур, 2012. 696 с.

Пирс Ч. С. Что такое знак? // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 2009. № 3 (7). С. 88–95.

Писаренко Д. А. Лингвосемиотические особенности знаков смерти в русских народных сказках // Гуманитарные и юридические исследования. 2019. № 1. С. 247–253.

Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2000. 274 с.

Разумова И. А. Сказка и быличка. Петрозаводск: Карел. науч. центр РАН, 1993. 112 с.

Толстая С. М. Смерть // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5 т. М.: Международные отношения, 2012. Т. 5. С. 58–71.

Список источников

Вагатова М. К. Ай Нерум Хо. Маленький тундровый человек. Стихи и сказки. Тюмень: СофтДизайн, 1996. 208 с. (На хант. и рус. яз.).

Земля Кошачьего Локотка = Кань Кунш Оӈăӈ / Сост. Т. Молданов. Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 2001. Вып. 2. 244 с. (На хант. и рус. яз.).

Ленин пант хуват (= По ленинскому пути). 1958, № 75; 1984, № 37. (На хант. яз.).

Мифы, предания, сказки хантов и манси / Сост. Н. В. Лукина. М.: Наука, Глав. ред. вост. лит., 1990. 568 с. (На рус. яз.).

Моӈщэт па путрэт (= Сказки и рассказы). Нижневартовск: Изд-во Нижневартоского пединститута, 1996. 68 с. (На хант. яз.).

Сенгепов А. М. Касум ики путрат (= Рассказы старого ханты). СПб.: Просвещение, 1994. 175 с. (На хант. яз.).

Сказки народа ханты / Сост. Е. В. Ковган, Н. Б. Кошкарева и др. СПб.: Алфавит, 1995. 143 с. (На хант. и рус. яз.).

Щащем моньщэт: Сказки моей бабушки / Сост. О. В. Хандыбина. Ханты-Мансийск: Информ.-издат. центр, 2011. 165 с. (На хант. и рус. яз.).

Pápay J. Ostják Hagyatéka. Regék és regetöredékek. Közzéteszi: Vértes Edit. Debrecen, 1992. 267 p. (На венг. и хант. (в транскрипции) яз.).

Steinitz W. Ostjakologische Arbeiten. Beiträge zur Sprachwissenscaft und Ethnographie. Berlin: Akademie-Verlag, 1989. Band III. 641 p. (На нем. и хант. (в транскрипции) яз.).

References

Dyadyun S. D. Obraz khantyyskogo geroya Imi khily (na materiale traditsionnykh formul v narodnykh skazkakh) [The image of the Khanty hero Imi Hila (based on the material of traditional formulas in folk tales)]. *Filologicheskiy aspekt*. 2021a, no. 9 (77), pp. 6–12. URL: https://scipress.ru/philology/articles/obraz-khantyjskogo-geroya-imi-khily-na-materiale-traditsionnykh-formul-v-narodnykh-skazkakh.html (accessed: 9.03.2023) (In Russ.).

Dyadyun S. D. Obrazy dukhov v khantyyskikh bylichkakh (na materiale kazymskogo dialekta) [Images of spirits in Khanty bailichkas (based on the material of the Kazym dialect)]. In: *Problemy i perspektivy sotsial'no-ekonomicheskogo i etnokul'turnogo razvitiya korennykh malochislennykh narodov Severa: Materialy Vseros. nauch.-prakt. konf.: Filologicheskie issledovaniya* [Problems and prospects of socio-economic and ethno-cultural development of small indigenous peoples of the North: Materials of the All-Russian sci.-pract. conf.: Philological studies.]. Voronezh, Maks-Print, 2015, pt. 2, pp. 182–190. (In Russ.).

Dyadyun S. D. Obrazy mifologicheskikh personazhey nebesnogo boga i zhitelya podzemnogo mira v khantyyskikh narodnykh skazkakh [Images of mythological characters of the heavenly god and the inhabitant of the underworld in Khanty folk tales]. In: *Korennye malochislennye narody Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka: traditsii i innovatsii: Materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. 19 Yugorskie chteniya (1 dekabrya 2020 g.)* [Indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East: traditions and innovations: materials of the All-Russian sci.-pract. conf. The 19th Yugor Readings (December 1, 2020)]. Khanty-Mansiysk, Pechatnyy mir g. Khanty-Mansiysk, 2021b, pp. 78–84 (In Russ.).

Dyadyun S. D. Skazochnyy personazh Kirp nyulup imi v khantyyskom fol'klore [The fairy-tale character Kirp nyulup imi in Khanty folklore]. *Filologicheskiy aspekt*. 2022, no. 3 (83), pp. 150–155. URL: https://scipress.ru/philology/articles/skazochnyj-personazh-kirp-nyulup-imi-v-khantyjskom-folklore.html (accessed: 3.03.2023) (In Russ.).

Pirs Ch. S. Chto takoe znak? [What is a sign?]. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 2009, no. 3 (7), pp. 88–95. (In Russ.).

Pisarenko D. A. Lingvosemioticheskie osobennosti znakov smerti v russkikh narodnykh skazkakh [Linguosemiotic features of death signs in Russian folk tales]. *Humanities and law studies.* 2019, no. 1, pp. 247–253. (In Russ.).

Propp V. Ya. *Istoricheskie korni volshebnoy skazki* [Historical roots of a fairy tale]. Moscow, Labirint, 2000. 274 p.

Razumova I. A. *Skazka i bylichka* [A fairy tale and a bylichka]. Petrozavodsk, Karelian Scientific Center RAS, 1993, 112 p. (In Russ.).

Tolstaya S. M. Smert' [Death]. In: *Slavyanskie drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar' v 5 t.* [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic dictionary in 5 vols.]. Moscow, International Relations, 2012, vol. 5, pp. 58–71.

Zaliznyak A. A., Levontina I. B., Shmelev A. D. *Konstanty i peremennye russkoy yazykovoy kartiny mira* [Constants and variables of the Russian language picture of the world]. Moscow, LRC Publishing House, 2012, 696 p. (In Russ.).

Zhiznennoe prostranstvo i dukhovnyy mir cheloveka cherez prizmu yazykov Sibiri [The living space and the spiritual world of man through the prism of the languages of Siberia]. Novosibirsk, Akademizdat, 2021, 300 p. (In Russ.).

List of sources

Lenin pant khuvat. [On the Lenin Way]. 1958, no. 75; 1984, no. 37. (In Khanty).

Mify, predaniya, skazki khantov i mansi [Myths, legends, fairy tales of the Hunts and Mansi]. N. V. Lukina (Comp.). Moscow, Nauka, The main editorial office of Oriental literature, 1990, 568 p. (In Russ.).

Moњshchət pa putrət [Fairy tales and stories]. Nizhnevartovsk, NPI Publ., 1996, 68 p. (In Khanty).

Pápay J. *Ostják Hagyatéka. Regék és regetöredékek*. Közzéteszi, Vértes Edit. Debrecen, 1992, 267 p. (In Hungarian and Khanty).

Sengepov A. M. *Kasum iki putrat* [Stories of the old Khanty]. St. Petersburg, Prosveshchenie, 1994, 175 p. (In Khanty).

Shchashchem mon'shchət: Skazki moey babushki [My grandmother's fairy tales]. O. V. Khandybina (Comp.). Khanty-Mansiysk, Information and Publishing Center, 2011, 165 p. (In Khanty, in Russ.).

Skazki naroda khanty [Tales of the Khanty people]. E. E. Kovgan, N. B. Koshkareva (Comps.). St. Petersburg, Alfavit, 1995, 143 p. (In Russ.).

Steinitz W. *Ostjakologische Arbeiten. Beiträge zur Sprachwissenscaft und Ethnographie*. Berlin, Akademie-Verlag, 1989, vol. 3, 641 p. (In German and Khanty).

Vagatova M. K. *Ay Nerum Kho. Malen'kiy tundrovyy chelovek. Stikhi i skazki* [Aj Njorum Ho. A little tundra man. Poems and fairy tales]. Tyumen, SoftDizayn, 1996, 208 p. (In Russ.).

Zemlya Koshach'ego Lokotka = Kan' Kunsh Oɣăɣ [The Land of the Cat's Elbow]. T. Moldanov (Comp.). Tomsk, TSU Publ., 2001, iss. 2, 244 p. (In Russ., in Khanty).

Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
15.02.2023

Сведения об авторе

Соловар Валентина Николаевна – доктор филологических наук, доцент, главный научный сотрудник научно-исследовательского отдела хантыйской филологии Обско-угорского института прикладных исследований и разработок (Ханты-Мансийск, Россия)

E-mail: solovarv@mail.ru

ORCID 0000-0003-4894-0117

Information about the Author

Solovar Valentina Nikolaevna – Doctor of Philological Sciences, Docent, Chief scientific Researcher, Department of Khanty Philology, Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development (Khanty-Mansiysk, Russia).

E-mail: solovarv@rambler.ru

ORCID 0000-0003-4894-0117